

Глава 4. В которой для Цзя Чжу приглашают наставника, и молодой барин приступает к учению

В ту пору в старшей ветви поместья Жунго первая супруга Цзя Шэ, госпожа Ли, была ещё жива. Когда старший глава семейства Цзя Дайшань отошёл в мир иной, Цзя Шэ унаследовал отцовский титул и взял в жёны дочь Ли Цзуна, стоявшего во главе Ведомства по передаче указов и прошений. Госпожа Ли происходила из знатного и уважаемого рода; она прекрасно знала классические каноны, ведала историю, отличалась редкой красотой и утончёнными манерами. Старая госпожа матушка Цзя вполне благоволила старшему сыну и его снохе, а потому супруги жили вместе с ней в главных покоях поместья Жунго, и именно госпоже Ли было доверено ведение домашнего хозяйства. Что же до младшего сына, Цзя Чжэна, то он с супругой занимал боковые флигели.

Цзя Мэй, первенец старшей ветви рода, едва ему исполнилось пять лет, уже выказал завидное прилежание, и для него пригласили домашнего учителя. Мальчик быстро выучил несколько тысяч иероглифов, заслужив восхищение всей семьи. Единственной его бедой было слабое здоровье: большую часть года он проводил в постели, оправляясь от недугов, иначе преуспел бы в учении ещё больше. Но судьба распорядилась иначе. Не успел молодой господин Мэй достичь своего восьмого года, как в один из дней после уроков, прогуливаясь по саду поместья Жунго, он оступился и упал в пруд. Слуги тут же вытащили его из воды, однако мальчик сильно испугался и подхватил жестокую горячку. Каких только врачей ни призывали безутешные родители, всё оказалось тщетно — вскоре дитя угасло, безвременно покинув этот мир.

Цзя Шэ с супругой были безутешны; сколько горьких слёз они пролили втайне от посторонних глаз! Госпожа Ли от горя слегла в жестокой болезни, которая окончательно подорвала её и без того хрупкое здоровье. Когда весть о трагедии дошла до её родителей, те осыпали супругов упрёками, виня их в беспечности, из-за которой погиб единственный наследник. После этого Цзя Шэ и вовсе стал избегать встреч с тестем и тётшей, и отношения между двумя домами окончательно охладели.

Тем временем у младших супругов родился сын Цзя Чжу — прелестный мальчик, точно вырезанный из драгоценного нефрита. Матушка Цзя души в нём не чаяла. Три года спустя, в самый первый день Нового года, госпожа Ван разрешилась от бремени дочерью. Это необычайное совпадение изумило всё поместье, а матушка Цзя, всегда благоволившая девочкам, пришла в неописуемый восторг. Брата и сестру забрали на воспитание в покои старой предщицы, и буквально в одночасье влияние и вес второй ветви в доме неимоверно возросли.

Глядя на это, Цзя Шэ и его супруга увядали от скрытой горечи: один лишь тяжело вздыхал в кабинете, другая — тихо плакала в подушку. Супруги приложили все силы, и вскоре после рождения Юаньчуни госпожа Ли вновь забеременела, явив на свет второго сына — Цзя Ляня. Однако не успели они нарадоваться новорождённому, как здоровье несчастной матери окончательно пошатнулось. Силы покидали её день ото дня; вскоре у неё уже не хватало духу даже на управление домом, не говоря уж о воспитании маленького Ляня. Так, угасая на глазах, она боролась с недугом ещё несколько лет, пока окончательно не лишилась жизненных сил. Цзя Ляню едва исполнилось девять лет, когда госпожа Ли отошла в мир иной. Впрочем, об этом мы поведаем позже.

Хотя Цзя Чжу с малых лет рос подле матушки Цзя, его родители, Цзя Чжэн и госпожа Ван, не ослабляли строгого надзора за своим единственным на тот момент наследником. Несмотря на обилие служанок в поместье, госпожа Ван наложила строгий запрет: к её сыну не допускались девицы старше пятнадцати лет и няньки моложе тридцати пяти. Она ревностно оберегала покой отрока, опасаясь, что молодые и пригожие прислужницы из тщеславия или глупости вздумают обольстить юного барина и совратят его с праведного пути. Самому Цзя Чжу подобные порядки были не по душе, однако, будучи совсем ребёнком в глазах матери, он не мог открыто перечить её воле. Ему оставалось лишь смириться и ждать совершеннолетия, чтобы со временем самому подобрать слуг по собственному вкусу. Впрочем, в решении матери крылось и некое удобство: приставленные к нему девочки одиннадцати-двенадцати лет ещё не набрались лукавства и глупых помыслов. Цзя Чжу рассудил, что пока сгодится и так, а свои правила он установит, когда придёт время.

К тому же, видя, как рано старший брат нанял учителя для покойного ныне Цзя Мэя, Цзя Чжэн не пожелал отставать. Сам он с юных лет питал непреодолимую страсть к книгам и мечтал пробиться на государственную службу через горнило экзаменов. Однако государь лично пожаловал ему чин, отчего о славе на поприще наук пришлось забыть. Потому все неисполненные надежды отец возложил на сына, страстно желая, чтобы тот преуспел на экзаменах. Едва Чжу исполнилось четыре года, как Цзя Чжэн поспешил пригласить для него почтенного наставника. К счастью, Цзя Чжу, несмотря на малые лета, рассуждал зрело. Давно миновав пору детского упрямства, он прекрасно понимал, что учение для него — единственный верный путь, а потому прилежно выполнял все задания. Да и какой обычный ребёнок согласился бы просиживать дни и ночи над свитками, когда всё его существо рвётся к играм и забавам?

Однако и тут не обошлось без превратностей судьбы. Учителем, которого Цзя Чжэн нанял для сына, оказался знаменитый цзиньлинский книжник по имени Янь Сывэй. Сдав в своё время государственные экзамены на степень цзиньши, он прославился строгостью нрава и приверженностью конфуцианским канонам; на его лице редко можно было увидеть улыбку. В столицу господин Янь прибыл в ожидании назначения от Ведомства чинов, а пока суть да дело, согласился обучать молодого барина в поместье Жунго. Миновало лишь несколько месяцев прилежных занятий, как Янь Сывэй наконец получил должность судьи в Хэнани и засобирався в путь. Уроки прекратились. Цзя Чжэн щедро одарил наставника серебром на дорожные расходы и тёплое платье, после чего тот отбыл к новому месту службы. Юный Чжу вместе с отцом проводил учителя за городские ворота, где в Беседке Пролитых Слёз они с почтением и грустью простились.

Оставшись без наставника, Цзя Чжу больше месяца занимался самостоятельно. Непонятные места, которые некому было разъяснить, он пока пропускал, всё отчётливее осозная, что праздное затворничество за книгами не доведёт до добра. Цзя Чжэн думал о том же. Он вспомнил о клановой школе, открытой для отпрысков рода Цзя, и рассудил, что сыну не мешало бы учиться там вместе с другими мальчишками под присмотром тамошних учителей. Но сам Цзя Чжу и слышать об этом не хотел. Он прекрасно знал, что клановая школа давно превратилась в вертеп для праздных бездельников и повес. Тех, кто действительно тянулся к знаниям и мечтал о сдаче экзаменов, там почти не водилось; всяк преследовал свои мелкие, низкие цели.

Из-за подобных сомнений и отсутствия достойного учителя на замену, обучение молодого

барина пришлось временно приостановить. Но стоило семейству Жунго погрузиться в уныние, как до них донёлся слух: в поместье соляного комиссара Линя поселился некий высокоучёный муж. Линь Хай обрёл в нём родную душу, принял как почётного гостя и проводил с ним все свободные часы за чашей чая или вина, ведя неспешные беседы о древности и современности.

Кто же был этот мудрец? Звали его Шао Инлинь, второе имя его было Чэнцзо, а прозвище — Синьянь; родом он происходил из южного Цзиньлина.

Почтенный читатель верно помнит, что род Линь на протяжении трёх поколений держался на единственном наследнике. Линь Хай тоже не избежал этой горькой участи и безумно страшился оставить предков без поминальных табличек. В те дни, когда тревога совсем извела его, Линь Хай отправился с парой слуг в загородный храм Юаньтун, дабы возжечь благовония. Там он случайно повстречал Шао Инлиня, который также прибыл в обитель с домочадцами. Как оказалось, господин Шао незадолго до этого прибыл в столицу по приглашению почтенного гуна Сю. Старые друзья, не видевшиеся много лет, несказанно обрадовались встрече и принялись расспрашивать друг друга о жите-бытье.

В ходе беседы Линь Хай без утайки поведал старому другу о своей главной заботе. Он знал, что Инлинь искусен в медицине, однако и помыслить не мог, что тот сумеет помочь в столь деликатном деле. Но Шао Инлинь, выслушав его, лишь улыбнулся. Он достал небольшой фарфоровый флакон, набросал на бумаге рецепт и велел Линь Хаю принимать снадобье строго по часам, пообещав чудодейственную силу лечебных трав. Кроме того, он вручил ему несколько редких пилюль, способных вернуть человека буквально с того света, на случай внезапного недуга. К слову сказать, когда Цзя Чжу не исполнилось ещё и года, он тяжело занемог, и спас его лишь тот самый драгоценный порошок, который супруги Линь спешно переслали в поместье Жунго.

Друзья проговорили до сумерек. Инлинь упомянул, что намерен со всей семьёй отправиться на юг, в провинцию Гуандун, дабы навестить старого приятеля в храме Чунсуй на горе Лофу, и отплывает буквально на днях. Линь Хай горячо поблагодарил его, вручил щедрый дорожный дар и взял с друга обещание, что по возвращении в столицу тот обязательно остановится у него в доме со всеми чадами и домочадцами. На том они и простились.

Вернувшись домой, Линь Хай послушно принялся пить отвары. Три года упорного лечения принесли свои плоды: спустя всего год после свадьбы с Цзя Минем молодая супруга разрешилась от бремени сыном Сююем. С тех пор семейство Линь испытывало к Шао Инлиню глубочайшую признательность и мечтало отплатить за столь щедрое благодеяние. Но всё это, разумеется, случилось ещё до появления Сююя на свет.

Прошли годы. Цзя Чжэн прослышал, что Линь Хай наконец разыскал своего спасителя и пригласил его в свой дом в качестве домашнего наставника. Поскольку Сююй как раз подрос, Линь Хай привёл сына выказать почтение будущему учителю. Стоило Инлиню увидеть мальчика, как он проникся к нему глубокой симпатией и воскликнул, что дитя одарено небесами редким талантом, статью феникса и умом государственного мужа, а в будущем непременно удостоится звания чжуаньюаня — первейшего учёного Поднебесной. Обрадованный Сююй тут же совершил обряд поклонения учителю и приступил к изучению классических книг и канонов.

Цзя Чжэн, для которого имя Шао Инлиня было овеяно славой, поспешил взять своего первенца Цзя Чжу и отправился в поместье Линя, надеясь упросить мудреца принять мальчика в ученики. Вступив под сень чужих палат, гости первым делом прошли в кабинет хозяина. Линь Хай, разумеется, сразу догадался о цели их визита. Раскланявшись, Цзя Чжэн с мягкой улыбкой заговорил:

— Юный Юй-эр взялся за учение, однако постигать премудрости в одиночку скучно и утомительно. Найдётся ли у него товарищ для совместных трудов — то станет истинной услугой для ума. Мой Чжу-эр как раз вошёл в разумный возраст, и было бы прекрасно, кабы они занимались вместе, направляя друг друга на праведный путь и внимая поучениям святых мудрецов.

Линь Хай сочувственно кивнул:

— С моей стороны преград нет, дело благое. Вот только не знаю, как на то посмотрит сам наставник. Давайте пройдем к нему и выслушаем его волю.

С этими словами Линь Хай кликнул слугу и велел спросить разрешения у господина Шао. Вскоре посыльный вернулся с вестью, что почтенный учитель ожидает гостей. Хозяин лично повёл Цзя Чжэна с сыном в уединённый флигель, где расположился наставник.

<http://bllate.org/book/18221/1751804>